

Александр Токарев

Багор и щука. Сборник

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 379.85
ББК 75.81
Т51

Токарев А. В.

Багор и щука. Сборник / А. В. Токарев — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2019. — 67 с.

ISBN 978-5-5320-9427-7

В этой книге представлены отчёты и рыбацкие рассказы. Действие происходит в приволжской стороне, где много глухих лесных озёр и рек с тёмной водой и осторожной рыбой. Ну, а события рассказа про багор и щуку, по которому назван и сам сборник, разворачиваются на просторах заснеженного волжского водохранилища. На обложке – автор книги. Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

Не очень страшное путешествие

Сравнительно недавно, лет в одиннадцать, сынишка Иван назвал велосипедную поездку на карповый пруд «страшным путешествием». Расстояние для мальчишки было действительно не малое – тридцать два километра и это лишь для того, чтобы половить до обеда и – обратно. Шестидесят четыре километра в целом... И к тому же грянула в пути сильнейшая гроза со шквалом и ливнем, промочив нас до нитки. Словом, после того «страшного путешествия» с опаской сын относился к дальним поездкам. Но не зря же я, твердый сторонник велосипеда, купил и сыну транспорт с двадцать одной скоростью и толстыми колесами с зацепистыми «мохнатыми» протекторами.

До Старожильска – сорок километров. Нам на километр ближе по шоссе, но еще километра три «пилить» по лесной дороге, пышущей жаром. Без наших грузовых первых скоростей на передних и задних звездочках, не тронуться бы с грузом и тележкой по песку, если попытаться сделать это на обычном велосипеде. Хотя и так нелегко. Но Иван в нынешние свои тринадцать лет держался на удивление стойко и, забегаая вперед, скажу, что на обратном пути даже занесся гордостью высокомерной гоночной и не позволял себя обогнать попутным велосипедистам...

Большая Кокшага в этих местах чиста и миловидна, с песчаными ивняковыми косами и обрывистыми берегами напротив коспляжей. Под обрывами лежат упавшие дубы, обтекаемые со звоном стремительными струями. Эти звонкие струи бегут под узловатыми ветвями поникшего, но живого еще дерева и закручиваются в водовороты. В бурылях нередко бьет тяжелый хвост, и прыскает серебристая мелочь-верхоплавка. Юрко проносятся над водой речные кулички, и парят в высоком небе ястребы-тетеревятники, вольно опираясь широкими крыльями на теплые восходящие потоки. Тонкий плеск стремительной воды естественно вплетается в сонный гул

дубрав и боров, уставших от полуденной жары. И от этой музыки речной и лесной жизни теплеет душа и делается спокойно.

Но эти места довольно людны, особенно в праздники и выходные дни. И в этом случае у велосипеда большой плюс: он проедет везде, а где не проедет, там хозяин на себе перенесет... И не добраться до заповедных мест шумным компаниям на автомобилях. После этих компаний на берегах и плесах нередко остаются смердящие помойки.

По Большой Кокшаге часто проплывают любители тоже заманчивого и энергичного вида туризма-отдыха – сплава. Большой частью они здороваются, проходя мимо. Как-то разговорившись с путником на резиновой лодке, я по акценту понял, что он не наш, не местный. Выяснилось, что – с Казани. Встречал я казанцев и в устье речушки Рутки, по которой нередко сплавляются и нижегородцы.

– У вас же самих река под боком, притом большая и рыбная. Зачем куда-то ехать и барахтаться в ручейке? – с удивлением интересуюсь у казанца.

– Э-э, изгадили все у нас. И река не та, и рыбы не стало. А у вас тут чисто и народу мало, – отвечал собеседник. И мы попрощались, пожелав друг другу удачи.

Как бы не сотворить и нам то, что сотворили люди с реками и лесами у больших городов. Тяжелеет на душе от того, что, казалось бы, в чистой реке, но рядом с поселком уже явно становится меньше рыбы. Все же, видимо, успевают гаденькие люди ударить исподтишка током в живую плоть реки Кокшаги...

Пока ехали по шоссе, путешествие было не в тягость. Останавливались по первому Ванькиному требованию, и пили холодный смородиновый морс из термоса. Увидев на рынке «знаменитый» китайский ширпотреб в виде жалких проволочек-креплений и крошечной капроновой бутылочки, я провел испытания своего рыбацкого небьющегося литрового термоса на предмет удержания уже не тепла, а холода, прокалив его на солнце целый день. Жидкость осталась ледяной, как и была изначально. Представляю, какая бурда получилась бы в покупной капроновой емкости на жарком солнце... Крепление для термоса я также изготовил сам, простое и надежное.

Едва свернули в лес, как откуда-то из тенистых зарослей посыпались маленькие, но злющие комары. Пришлось обувать сапоги и защищаться накомарниками. А выехали на место – длинную песчаную косу – и, словно открылся совершенно другой чистый и светлый мир! Ветер ерошил быструю воду и гладил вспотевшие лица.

– Позавтракаем, Ванюха? – предлагаю

– Рыбачить хочется, – вздыхает сын, но тут же соглашается. – Лано-лано, и есть тоже хочется...

Перекусили и забросили пару донок-удочек с колокольчиками на вершинках. Одна из донок была оснащена маленькой кормушкой. Из насадки у нас была, кажется, любая на вкус речной рыбы: перловка, крутая манка, горох пареный и зеленый консервированный, опарыш, черви. Едва донки настороженно замерли над речными струями, как та, что была оснащена кормушкой, резко качнулась, вершинку «телескопа» повело против течения, звякнул колокольчик. Подсечка!.. Из воды в брызгах вылетела какая-то длинная серебристая рыбина. Да это же елец!.. Давно его не ловил, наверное, с детских лет... Причем елец взял крупный. Такие мне еще не попадались: сантиметров около двадцати пяти, если не больше. Потом заклевали ельцы калибром помельче.

А сын тащит из воды сорожку! Она выбрала зерна перловки, перемешанной с молотыми жареными семечками, для запаха. Рыба клевала не крупная, но от малой реки чего еще ожидать?..

Когда день перевалил за вторую половину, над противоположным берегом повисли тяжелые синие тучи. В них засверкали молнии и глухо заворчали отдаленные раскаты грома. Пришлось спешно ставить палатку: укладывать поперек гибкие ветви ивняка, а на них – слой береговых лопухов, густо покрывших верхнюю часть косы. Под навес-предбанник спешно укладываем с Ванькой вещи. И вовремя... Резко хлестнул ливень, и небо над нами треснуло в ослепительных вспышках молний.

– Не люблю грозу, – шепчет Иван, блестя испуганными глазами в полумраке навеса.

Мне тоже неуютно, поскольку молнии постоянно хлещут в землю, но я подбадриваю сына.

– А ты погляди. На той стороне стоит высокая елка. Она и будет молниеотводом, если что. Железяки велосипеды от нас в стороне.

– А мобильник? – ехидно допрашивает сын. – Притянет молнию и – пух!.. Сгорели мы...

– А мобильник я сейчас выкину в реку, мне он все равно уже надоел...

– А-а, ну ладно, пусть гроза ворчит, а мобильник не выкидывай, он нас утром разбудит в три часа.

Лукавит, хитрец, ему бы только до игрушек добраться в телефоне, мало ему компьютера.

Дождь хлестал непрерывно, но неожиданно выглянуло солнце, и струи ливня засеребрились в его лучах, а там и радуга разноцветьем изогнулась над рекой.

После дождя, несмотря на классическое утверждение о клеве после оногo, рыба брать отказывалась. Но тут пришла подсказка от неопытного, казалось, сына.

– А на хлеб... Давай на хлеб попробуем.

Как-то забылась эта немудреная насадка в череде разных изысков для современной избалованной рыбы. А если попробовать?.. Насаживаем на крючки донок катыши ржаного хлеба. И... сорожка заклевала. А потом нас подкинул с бревна-сиденья резкий звонок колокольчика закидушки, у тяжелого грузила которой, в порядке эксперимента, также была установлена небольшая кормушка, набитая пшенно-горохово-перловой кашей со жмыхом, жареными молотыми семечками и...веточками свежего укропа... Помнится, на Волге ловили мы с моей «Оби-3» моторной на «кольцовку» язей, прикормленных подобной прикормкой. Здесь же взял на «бутерброд» из червя с опарышем подлещик, затем – еще один, но оба не крупнее трехсот граммов.

Потемну ужинаем у небольшого костерка и заваливаемся в палатку, в спальные мешки. Ночи пришли прохладные, знобкие и уже не по-летнему длинные.

На рассвете меня разбудил сильный всплеск и возня где-то у привязанного к рогатине садка, опущенного в воду. Затем над палаткой прошелестели большие крылья и все стихло. И одновременно запел

будильник мобильного телефона. Вылезает с сыном из палатки и видим на песке рядом с садком крупные птичьи следы. У Ваньки – пытливого исследователя динозавров – своя аналогия.

– Птеродактиль!..

– Похоже, тут вор в перьях был, – досадую. – Серая цапля, скорее.

И точно. Выклевала, носастая, рыбу из садка, а теперь стоит за поворотом на своих ногах-ходулях с невинно-постной физиономией и поклевывает себе мелочишку, словно бы ничего и не случилось. Хоть бы выбрала, ворюга, рыбу в садке ту, что помельче. Так нет, оскорбилась редким для меня крупным ельцом, подлещиками и сорожками. Никакой порядочности у местной гарпии!..

Несмотря на наши ожидания и опять же классику, утренний клев был отвратительным. Не брала рыба никакую насадку и все тут... Но зато на отмели, почти у самых ног, отчаянно клевали пескари. А на другой стороне в яме... А в яме время от времени ворочался и булькал в воде какой-то хищник... На жереха вроде не похоже. А что если...? Переоборудую закидушку под живцовую снасть: ставлю поводок повыше, в метре от грузила. Привязываю крупный крючок и насаживаю пескаря за обе губы. После заброса, несмотря на шум от падения тяжелого грузила, колокольчик закидушки мягко, без звонка, подался вперед, а затем последовал сильный рывок! Подсечка!.. И на леске загуляла, зарыскала из стороны в сторону сильная рыбина. Вскоре она показалась и забилась на поверхности. Это был окунь за полкило...

– Ура-а!.. Окунек попался!.. А ты говорил нет крупной рыбы! – запрыгал на песке Ванька.

– Белого-то крупняка ни одного не поймали, – осаживаю сына, но и сам повеселел. А то уже тоска мутная легла на сердце от вида мертвой воды.

А «белый крупняк» тут все же водится, несмотря на жлобское вмешательство человека. Ясно, что места ниже, у Сабанакоево и Маркитана еще богаты рыбой, поскольку туда труднее добраться, но и рядом со Старожильском случается зацепить матерого золотого леща, как и выпало мне в следующий мой приезд сюда. Но ловил я

сорожку, густеру и лещей с лодки на «кольцовку», привязавшись к дереву над ямой, в перекрестье двух речных струй.

Наверное, еще не раз предстоит открывать для себя по-новому эти места, вновь и вновь возвращаясь к золотистым плесам и чистой воде Большой Кокшаги...

Как мы осваивали джиг

На искусственные приманки с джиг-головкой ловят довольно давно, и этим сейчас никого не удивишь. Стыдно признаться, но для меня, консерватора, джиг стал открытием совсем недавно, да и то вынужденно. Все больше «железом» обходился по старой привычке и как-то не видел необходимости в силиконовых обманках и поролоне.

На озеро мы выходили трудно. Воды в клюквенном болоте было для лета необычно много, словно весной. Сказались долгие проливные дожди. Подойдя к болоту, мы с сыном Иваном снимаем короткие сапоги, рассовываем по карманам носки и стельки, а затем, сгибаясь под рюкзаками, чавкаем сапогами на босу ногу по мху-сфагнуму. Ваньке еще только восемь лет, и рюкзак хоть и не увесист, но не привычен ему, как и долгий пеший путь по болоту, на жаре, да с комарами, ноющими за ухом. Сопит, кряхтит тяжело, стараясь попасть в мой след от кочки до кочки. Сапоги уже полны воды. На месте высушимся, не осень. По дороге за болотом собираем грибы: красноголовики и подберезовики, срезали и пару боровиков, притаившихся в траве прямо на дороге.

На берегу накачиваем лодку и плывем вдоль кувшинок. В «резинке» тесно, и мы, найдя у камышей ботник, перебираемся в него. Когда-то здесь было много лодок, легких, с дюралевыми днищами и распашными веслами. Но все куда-то «уплыли». Которая прострелена и лежит на дне, иная – сгнила, а остальные, видимо, увезли с разорением своей базы бывшие арендаторы озера. Этот ботник, наверное, единственный теперь здесь. Мы всегда ставим его в одно и то же место по окончании рыбалки. Время от времени лодкой кто-то пользуется и тоже ставит здесь же, наискосок от островка камышей, на месте бывшего причала.

Вначале натягиваем полог, чтобы можно было отдохнуть от комариных укусов, да и к вечеру, по усталости, не надо будет заниматься обустройством ночлега. Пьем чай и выходим на озеро. Ванька

неумело закидывает короткой удочкой червяка на мормышке. В кувшинки целит. Я перезабрасываю снасть под самый берег, под ветви. Окунь в жару должен быть здесь. Поплавок трясется, ныряет, и Ванька выдергивает первого в своей жизни окуня больше его ладони. Те недомерки – чики, уклеики, окунек с мизинец, которых он изловил на луговой речке – не в счет, хотя сын ими гордится. Этот озерный окунь для него уже рыба серьезная. Ванька пока боится снимать окуня с крючка. Я забираю у него рыбу, и снова мормышка с навозником плюхается под берег. Теперь сын все делает сам. Правда, изредка приходится отцеплять снасть от березовых и ольховых ветвей. Так и плывем мы с ним вдоль бережка. Но мне нужны живцы для жерлиц. А окунь клюет очень вяло. Если так будет продолжаться, я просто не успею наловить достаточно окуньков и сохранить их в кане на такой жаре. А ведь случалось здесь надергивать за полчаса чуть ли не ведро окуней на мормышку с окуневым глазом. Сейчас не берет и на глаз. Видимо – жара... Сiju в тягостном раздумье и, наконец, готовлю спиннинг. Копаюсь в коробке с блеснами, выбираю уловистую и решаю все же нацепить джиг. Надо же когда-то проверить... Насаживаю трепещущего, словно желе, виброхвоста-риппера. Предварительно полоскаю его у борта, провожу туда-сюда, словно забавляясь. Сын с интересом наблюдает.

– Пап, дай тоже поиграть, – просит он неожиданно, чем смущает меня до краски на щеках. Ему, видимо, думается, что я в детстве не наигрался, а теперь «догоняюсь».

– Ну, ладно, побаландайся, – разрешаю ему, а сам вглядываюсь в темную торфяную воду, где трепещет силиконовый «малек». А ведь действительно похож на живую рыбку своими суматошными движениями хвостика.

Сын, отдав свою детскую душу, отдает мне джиг и берет удочку. А я делаю первый заброс на чистину, по левому борту лодки. Ванька ловит с правого, у берега. Лениво подматываю катушкой крепкую «0,2», щурясь от солнца и не веря в глубине души, что заинтересую окуня этой трясущейся резинкой. И сразу же после нескольких оборотов катушки леска тяжелеет, ходит из стороны в сторону. Вскоре у лодки заплескался окунек уже с мою ладонь. На живца